НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 15 1 декабря 1943 года № 15

содержание:

Единственный путь — Н. Васильев

★

Джигитовка — Вл. Фарафонов

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краснов

★

Логика НКВД — С. Рождественский

★

Мститель — Л. Градов

★

Гетман — повесть Татьяны Левшиной

★

Очковтиратели

★

Рыцари вольности — С. В. Павлов

★

Помнить о враге — Будный

★

Стихотворения — Марии Волковой, Д. Коваленкова и П. Полякова

Восстань, восстань, страна родная!
Ты всколыхнись, наш Тихий Дон!
И пеной гневною блистая,
Как в старь ударь в набатный звон.

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

www.elan-kazak.ru

113 об.

Единственный путь

Казаки никогда не надеялись на щедроты и милости со стороны красного властителя и его жидо-чекистского окружения. Историческая сущность коммунизма и казачества раз и навсегда противопоставила их друг другу и только подлейшие изменники казачества да отдельные выродки могли думать о возможности совместного существования этих двух противоположных факторов общественного бытия. История последних двадцати пяти лет неоднократно подтверждала правдивость этого заключения. И даже тогда, когда Советское правительство, в силу сложившихся политических и военных ситуаций, должно было провозгласить «отмену ограничений с казачества» все в ком билось истинно казачье сердце знали, что отмена ограничений ни на один волос не в состоянии изменить положение вещей сложившееся с приходом власти советов на казачьи земли.

Размах антисоветского движения среди казачества достигший к настоящему времени небывалых в истории размеров не на шутку обеспокоил жидо-большевистских властителей и они решили действовать без обиняков, без «дипломатии» и игры в отмену ограничений. Как рассказывали казаки ст. Кривянской З. и Т., перебежавшие фронт последними неделями: «все донские станицы и города были переполнены сотрудниками НКВД и милицией. По всему краю прошла волна арестов. Новочеркасская тюрьма переполнена» ...

Казакам изведавшим прелесть советского «рая» это сообщение ярко представит ту жуткую картину действительности в которую погрузился их родной край, в которой оказались, почему либо, не успевшие уйти вместе с немецкими войсками казачьи семьи. «Большевики, — сообщают З. и Т., — считают врагами всех: и семьи добровольцев ушедших в ряды Германской армии и тех кто служил в учреждениях при немцах, и наконец обычных безработных, которые остались дома, а не ушли в тыл с той или иной стороной. Короче говоря большевики считают врагами всех и вся без различия пола, возраста, профессии, специальности и состояния здоровья. Да это и проще; не возиться с судами, разбирательствами и т. п. формальностями тем более среди такого населения, которое, по сообщению тех же станичников, сам «мудрейший вождь» и генералиссимус Сталин огульно объявил «изменниками родины». В переводе на человеческий язык это значит весь край объявлен вне закона. Но, а коли так, так чего тут церемониться с формальностями. Арестовывай, убивай, грабь кого хочешь и сколько хочешь, ведь «изменников родины» не может охранять такой советский шедевр мудрости и справедливости, каким является ублюдочный кодекс.

В свете изложенного совершенно четко представится значимость сообщения З. и Т. о том, что «черный ворон» днем и ночью летает по улицам ... а о том кого поглотила тюремная ограда нельзя получить каких либо вестей.

Но, все это, так сказать только предисловие. Трагедия народа впереди, хотя контуры ее уже обозначены. «Энкаведисты угрожают, — говорят З. и Т. выслать на Урал, как только будет восстановлена железная дорога, все остатки казачьих семей». Итак, судьба народной общности решена: посадить в тюрьму, расстрелять, а что останется — сослать «на Урал» ... или, говоря общедоступным языком, стереть с лица земли то, что исторически и географически напоминало бы собою казачество. Рассуждения откровенны, действия открыты и решительны. Казаки и казачьи семьи милостью Бога оказавшиеся по эту сторону фронта могут теперь иметь ясное представление о том, что творится на их родных землях с их родными и близкими, доставшимися красным опричникам.

Теперь кремлевские заправилы конечно сведут счеты со всеми виновными и невиновными, и нужно думать, что они теперь примут все меры к тому, чтобы страшилище, которое было символизировано словом «казак» в период 1920—22 гг. и 1930—33 гг. будет возведено в более высокую степень. Можно представить себе картину расправы, которую чинят над казачьим населением ныне «уверовавшие» в Бога коммунисты, одевшие погоны энкаведисты и ставшие «патриотами родины» интернационалисты.

Второй раз в истории казачества Красная Москва об'явила ему войну, но на этот раз при значительно лучших для казачества обстоятельствах.

25 лет тому назад казачество само должно было выдерживать натиск большевистских орд на казачьи земли. Ныне казачество имеет помощь и опору в лице первоклассной Германской армии и в своей борьбе с жидо-большевизмом связало свою судьбу с судьбой Великого Германского народа. Вопрос этот настолько обеспокоил Сталина, что он не нашел возможным дальше замалчивать казачьего вопроса и перед всем миром объявляет несколько миллионов народа изменниками родины, при чем он конечно умалчивает о том, что казаки восстали на борьбу не с родиной, а с жидо-большевистскими угнетателями Русского народа. Ведь только на борьбу с ними восстали казаки, да и не только казаки, а Украинцы, Белоруссы и народности Кавказа и даже многие русские ставшие, по трактовке Сталина, тоже изменниками родины. И смешно и обидно, что какой то недоучка и авантюрист начинает обвинять Русских людей в измене Русской родине. Ну, уж если так, то о казаках и говорить нечего; это трижды изменники.

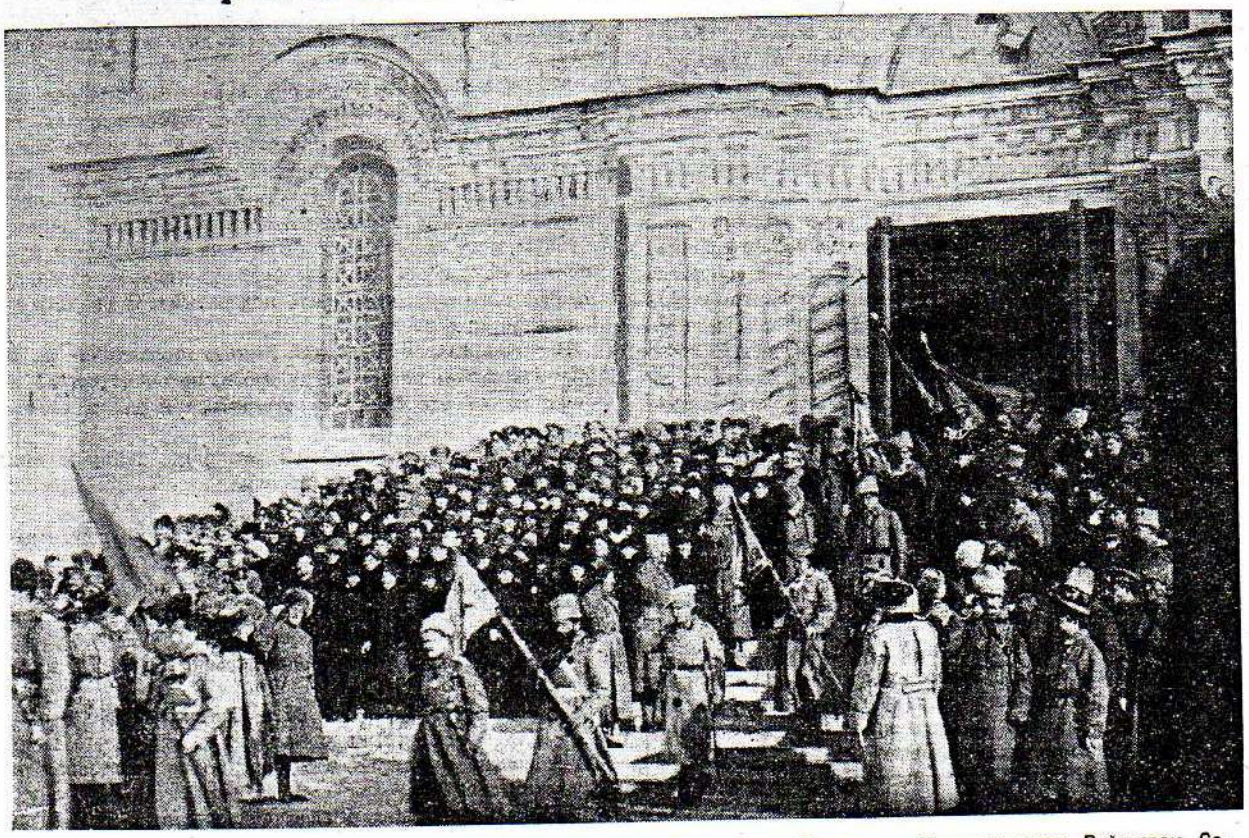
Как бы ни стремился кремлевский тиран ошельмовать казаков и все прочие объединения, восставшие против жидо-большевистских угнетателей, сколько бы он ни предавал восставших «изменников» анафеме с амвона наскоро сколоченной иерархии коммунистической воспитательной церкви, народы, еще находящиеся под властью Москвы, прекрасно понимают, что их братья встают на борьбу избавления человечества от власти тирана, облеченного с одной стороны в тогу жидо-коммунизма, а с другой жидо-капитализма. Объявление всех казаков изменниками родины только лишний раз напоминает казачеству о том, что может ожидать его и родных землях до тех пор, пока они не освобождены от владычества деспотов и проходимцев, преоблачившихся в поборников Русского патриотизма.

Но казаки знали и до объявления их «изменниками родины», что их историческое и физическое существование при большевизме невозможно и что единственный путь их-борьба, ИЛИ ПОБЕДИТЬ ИЛИ ПОГИБНУТЬ. Так поставлен вопрос самой историей и казачество вставая на борьбу с Сталиным и его кликой приняло решение ТОЛЬКО ПОБЕДИТЬ!

Н. Васильев

www.elan-kazak.ru

Георгиевский праздник на Тихом Дону

9 декабря (26 ноября по ст. ст.), в день св. Великомученика и Победоносца Георгия, в Новочеркасском Войсковом Соборе служили молебен. После молебна — вынос Георгиевских знамен и парад войскам гарнизона Донской столицы на Соборной площади.
Снимок 1918 года

Шестое декабря

Виденье прошлого мелькнули предо мной
И память мне встревожили не зря:
Сегодня ведь наш праздник войсковой,
Заветное Шестое Декабря!*)
Обширен наш степной казачий край,
Но дух один у всех, и в этой день
Патрон наш войсковой — Святитель Николай
Всех призывал под храмовую сень.
Везде, везде, в один и тот же час
В соборах и церквах безчисленных станиц
Рвались молитвы ввысь, сиял иконостас
И праздничен был вид казачьих лиц.
А после — музыка и дружное «ура».
Красив парад в морозный зимний день!
Чубы казачьи завиты с утра,
Папахи ухарски надеты набекрень!
Гарцуют бойкие киргизские коньки:
Они давно отлично знают строй!
Вот и конец. Уходят казаки,
И все гремит от песни удалой.
А вечером за чаркою вина
Все та же песня прадедов звучит:
Казачья память прошлому верна,
Она ревниво прошлое хранит!

И вот теперь, под гнетом страшных лет,
Уйдя с тоской от близких, от семьи,
Узнали мы холодный, чуждый свет,
Узнали мы все горести земли...
Трудны, темны, неведомы пути,
Бороться и страдать назначено судьбой,
Но чрез мытарства все должны мы пронести
Казачий дух свободный и лихой!
Пусть доступа нам нет к станицам дорогим,
Пусть далека жёланная заря,
Но праздник войсковой за рубежом мы чтим
И помним все Шестое Декабря!

Мария Волкова

*) 19(6) декабря, в день Св. Николая Чудотворца, Сибирское казачье Войско праздновало свой Войсковой Праздник.

www.elan-kazak.ru

114.05.

Джигитовка

Прочитанные мною в первых номерах журнала «На Казачьем Посту» статьи П. Н. Краснова о джигитовке взволновали меня и всколыхнули воспоминания о нашем славном казачьем прошлом, которым хочу поделиться с молодыми казаками.

В первый же год службы моей Л. Гв. в Казачьем полку на меня было возложено заведывание джигитами всего полка, выбранными из лучших казаков-джигитов в сотнях. Эта команда показывала свое искусство в Михайловском манежѣ, на конских состязаниях Петербургского гарнизона при громадном стечении публики, в присутствии членов Императорской фамилии, высшего начальства и избранного Петербургского общества. Здѣсь надо было представляться во всем своем блеске и лихости и взять лучшему джигиту золотые часы с золотой цепочкой, с двуглавым орлом на крышке и гравированной надписью: «Приз за джигитовку». Право ношения цепочки на груди об'являлось в приказе по полку.

Этот приз оспаривался достойными соперниками нашей гвардейской бригады — Л. Гв. Атаманским и Л. Гв. Сводным казачьим полками.

Итак, три полка стали дѣятельно готовиться, чтобы во взаимном соревновании, взять в полк золотые часы.

Повел я своих молодцов в Михайловский манеж на репетицию, где встретились со своими соперниками; никто из нас не показывает чужому полку полного искусства. Джигиты только приноравливаются, делают проскачку вдоль манежа, проделывают без напряжения свой номер, присматриваются, приглядываются. Коронный номер, на котором можно заработать золотые часы, это вертушка (веретено). Опытным взором мы приметили, что в Атаманском полку трубач легко и шутя, проскакав только пол манежа, делаѣт три вертушки. По нашему расчету этот казак, на дистанции всего манежа должен бы сделать семь вертушек, а у нас, лейб-казаков, на такой же дистанции на полковом дворе казак Ноздрин может делать только шесть. Больше вертушек Ноздрин делать не может из за резвости своего коня. Он уже третий год подряд берет первый бригадный приз — золотые часы с цепочкой, — в Красном Селе, в присутствии Императора. Мои казаки загрустили: вырвут в этом году у нас приз! Что делать?

— Ваше Высокоблагородие, чем бы нам перебить, все перебрали, какой номер придумать?

— Есть, братцы, номер очень опасный, это на карьере пролезть под брюхом коня, но это рискованно, так как можно получить удар задним копытом в голову, а если лошадь упадет, то и кости все переломает.

— Я пролезу, но как это? — не задумываясь сказал приказный Ревин.

И вот мы стали тайно готовить этот номер; приходили после вечерней переклички на конюшню и как заговорщики работали там над конем Ревина. Сначала подвязывали мешок с сеном под брюхо коню, причем понадобилось много терпения чтобы конь начал спокойно скакать с таким мешком. Потом стали приучать Ревина, хорошего гимнаста; надо было сделать приспособление, чтобы ноги Ревина при спусканьи седла не падали на землю, иначе они непременно были бы перебиты. Для ног надо было сделать поддержку, надо соединить казака круговой петлей с лошадью. Привлекли полковых шорников, сделали из сыромятной кожи длинный широкий ремень, петлей накинули через левое плечо Ревина, пропустили по правому боку коня под брюхом и петлей накинули на щиколотку лезой ноги. Получился круг из ремня и казака.

Теперь Ревин мог, перекинув правую ногу через заднюю луку, лечь животом на седло и спускаться под брюхо коня с правой стороны, ловя руками путлище левого стремени, поймав на нем притягиваться; левая нога, связанная ремнем, не могла упасть на землю и тогда, около нее, можно было напряжением одних мускулов держать правую ногу, когда руки были уже на передней луке, поймав ее с левой стороны коня, то толчком свободной правой ноги о землю, корпус подбрасывался вверх и Ревин взлетал в седло.

Всѣ шло гладко. Раза два Ревина «чиркануло» на карьере копытом по голове до крови, но он от своего номера ни за что не хотел отказаться и делал его мастерски.

Как заговорщики сохраняли мы нашу тайну и смеялись, веря теперь в нашу победу.

Завтра состязание.

Я приказал не упражняться в канун дня джигитовки — надо набраться сил. Стал волноваться сам.

Получаю приказание явиться немедленно на квартиру командира полка генерал-майора Р. Что такое случилось?

Командир встречает словами:

— Какой номер к завтрашней джигитовке Вы приготовили?

— Это секрет джигитов, Ваше Превосходительство.

— Какой может быть у Вас секрет от Вашего командира полка? Это верно, что будет номер пролезания под животом коня?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Потрудитесь этого не делать, тем более, что завтра будет присутствовать Великий Князь Н. Н.

— Но тогда мы, лейб-казаки, не возьмем золотые часы!

— Если этот номер будет проделан, Вы будете сидеть месяц под арестом.

В охватившем меня горе моя собственная жизнь стала мне не мила. Пошел я к своим джигитам, рассказал им все. Казаки повесили головы и говорят:

— Ваше Высокоблагородие, тогда пропали наши лейб-казачьи часы и все наши труды!

На глазах у них навернулись слезы. Я не выдержал и говорю:

— Делай свой номер, Ревин!

— Да Вам же за это месяц ареста?!

— Ради славы полка и ради вас отсижу.

Мои казаки сразу повеселели, но покачивали головами, рассуждая о моем предстоящем аресте.

Спал ночь скверно.

Вот мы и в манеже. Идет состязание в препятствиях Петербургского гарнизона. Народу — тысячи. В главной ложе Великий Князь и все начальство.

Временно я отвлекаюсь от своих джигитов, так как сам сейчас выступаю в офицерских состязаниях по рубке. Манеж весь заставлен лозой, глиняными пирамидами, туго сплетенными соломенными жгутами, висящей на проволоке картошкой, маленькими дисками, стоящая на земле голова сирены. Рубка с прыжком на барьере, рубить надо налево и направо двадцать различных предметов. Все участвующие в состязании офицеры в полной боевой форме.

В программе напечатано, что мой номер идет вне конкурса, так как имею уже призы за рубку в таких то го-

www.elan-kazak.ru

дах, а посему я должен рубить в полтора раза больше других.

Я перекрестился. Растворившиеся двери выпустили меня на арену; мои казаки побежали смотреть на мой номер. Поскакал. Слышно пофыркивание моего жеребца, да стальной звон клинка при рубке; последний укол головки сирены, я резко склонился на правую сторону. Публика ахнула, думая, что падаю, но голова сирены уже на шашке, а всадник в седле. В манеже взрыв аплодисментов. Казаки бегут ко мне, хлопают по шее моего жеребца.

— Дюже здорово! Мы все глядели — ни одного промаха.

Короткий промежуток, затем звонок в предманежнике. Из председательской ложи сообщают, что за мной первый приз и мне надо выехать в манеж. Проскакиваю кругом под гром аплодисментов. Мои казаки ликуют.

Теперь казачья джигитовка. Для всей публики это самое интересное состязание.

Сильно стало биться мое сердце: страшный, запрещенный номер! Я вышел в манеж и командую:

— Горячев, перелеты, пошел! Затямин, уральский прыжок, пошел! Поздрин, вертушку, пошел! Ревин, пошел!

Впился в него глазами. Смотрю, разгорячился казак, забыл предупреждение о плавности движений, резко нырнул под брюхо скачущего коня; споткнулся конь, замерло мое сердце, вскрикнула публика.

Но устоял донской конь, спас жизнь своему хозяину. Середина манежа, вот главная ложа, а Ревин уже в седле и отдает честь Великому Князю. Взрыв аплодисментов. Наш конкурент, трубач-Атаманец, сделал семь вертушек. Состязание окончено. Кому приз? Неужели напрасно сидеть под арестом?

Звонят в предманежник, всвут меня и приказного Ревина к Великому Князю. Около него стоит мой командир полка, лицо суровое. Я с самого утра избегал с ним встречи, чтобы не спросил о джигитовке...

Представляю приказного Ревина. Великий Князь протягивает мне руку и благодарит за прекрасную подготовку джигитов и, обращаясь к Ревину, говорит:

— А ты за свой отчаянный номер получай золотые часы.

Командир полка отошел в сторону. Я подошел к нему поздороваться и получить обещанную «награду», но что же слышу:

— После того как Великий Князь поблагодарил Вас за подготовку джигитов, я не могу посадить Вас под арест.

Пошел я к своим казакам поздравить Ревина, а в лице его и всех, с призом. Казаки же стоят как провинившиеся и не радуются победе Ревина, столпшего уже с золотой цепочкой на груди. Первый их вопрос был — что сказал командир полка. Не успел я досказать, как был схвачен на руки с криком ура.

Вл. Фарафонов

Хутор Разуваев

Не велик мой хутор, хутор Разуваев
Сто дворов, пожалуй, и не набежит.
Речка Чертолейка лугом протекает
По степи широкой змейкою блестит.

Наклонились вербы над широким плесом,
Камышем зеленым старый пруд зарос,
Гусь, за колосками, прямо под колеса,
На плотине узкой тянет желтый нос.

Из ольховой чащи мельница-старуха
Выбитым окошком смотрит на луга.
Над помольной хатой вьются тучей мухи
И под тихим ветром шелестит куга.

И, привады взявши, на заре вечерней,
Проплывя меж лилий тонких лопухов,
На рыбальство едет в душегубке мельник
И с волненьем скрытым ждет сазаний клев.

Тихо, тихо ляжет ночи покрывало
И луна усеявший пруд заворожит...
Лишь шуршанье слышно мельничного вала,
Соловейко свищет, да вода шумит.

В куренях казачьих говор затихает,
Спит усталый хутор, вербы, чакан, пруд...
Далеко, у гумен, пес на месяц лает,
Да кристальным небом облака плывут...

И туда, к полночи, выйдет мельник сонный
В ковш зерна подсыпать — камень застучал.
И чеканит месяц силуэт склоненный
И мешок порожний надет с плеча.

А в пруду — русалка. С белой грудью пышной,
Соберет подружек дикий хоровод...
Мельник — не боится. Мельник — он привышный,
Мельник слово знает супротив того.

А надась — завощик. Парень сам бывалый,
Ворочаясь ночью, позднею порой,
Увидал как тихо, по большому валу,
В мельницу вернулся старый домовой.

И жалмерка Настя, продала скотину,
Припозднилась. Темно. Шла то через лес.
Глядь — а за кустами, у большой осины,
Он. Лесной хозяин. Леший. Вот те хрест.

Хутор Разуваев просыпался рано,
Поедались горы пышек и блинов.
И, охлюпкой сидя, мимо атамана,
В степь подростки гнали крозных скакунов.

Вылезали деды к мельнице иль школе
И вели беззубый, долгий разговор
О пашах турецких, о царе Миколе,
Но том что Разин вовсе не был вор.

Не велик, да стар мой хутор Разуваев,
Сотни лет шептался с чаканом камыш
Провожая дедов к Стеньке, под Измаил,
Под Царьград, на Альпы, с Платовым в Париж.

И седлались кони, колыхались пики...
Много... много наших полегло в бою...
Хутор Разуваев, в перекатном гике,
Ты по свету славу разносил свою.

И пою я песни о дымке кизечном,
О родимой степи, чакане в прудах,
О казачьей славе, о любви извечной,
О слезах кровавых на моих следах.

П. Поляков.

www.elan-kazak.ru

115 об.

Генерал П. Н. Краснов, окруженный офицерами и казаками Н-ской казачьей дивизии, в сопровождении ее начальника генерала фон Паннвица, объезжает полки.

Наша клятва

П. Н. Краснову

Атаман, Ты наша гордость
Луч тепла нашей груди!
Пусть Тебе на долго Бог даст
Дней счастливых впереди.

Атаман, в Тебя стремим мы
Наши мысли и наш взор!
Про судьбу и край родимый,
Наш пылает разговор.

Будь ты нам отцом любимым!
Атаман Донцов лихих,
Долгожданных, терпеливых,
Ты созвал сынов твоих!

Поведи Ты в бой кровавый
Богатырские полки!
На жидовский трон лукавый,
Дай нам острые клинки.

Чтобы были мы как предки!
Ярким факелом огня!
Дай нам ружья наши метки,
Дай нам быстрого коня.

Как они безстрашно дрались
На врага летя стрелой!
Крестной силой осенялись,
Рвались соколами в бой!

Так и мы тебе клянемся
Клятвой дедов и отцов,
Как они! И мы добьемся!
Чести, гордости Донцов.

Чтобы снова, наш любимец,
Православный Тихий Дон
Стал родным бы нам кормильцем
И вздохнул свободой он!

Д. Коваленков

В издании журнала **«На Казачьем Посту»**, первым номером серии **«Казачья Библиотека»** выходит в ближайшие дни и будет разослана в воинские казачьи части

новая книга П. Н. Краснова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ДОНА

Часть первая:

Всевеликое Войско Донское.

www.elan-kazak.ru

Исторические очерки Дона

Продолжение девятое*)

XXII.

Взятие Разиным Царицына. Послания Разина на Дон. Осада и взятие Астрахани. Убийство князя Прозоровского. Поход на Москву. Сражение под Симбирском. Бегство на Дон. Казнь Разина в Москве 6-го июня 1671 года. Мнение о Разине русского народа и царя Петра I. Песня — завещание Разина.

Подойдя к Царицыну, Разин приказал есаулу Василию Усу осадить город, где заперся со стрельцами воевода Тургенев. Жители Царицына продержались недолго. Как только стал ощущаться у них недостаток в воде — они отворили ворота Усу. Воевода Тургенев с войском заперся в замке. Казаки осадили замок, выбили ворота, перебили стрельцов, а Тургенева привели на веревке к Разину.

Разин долго мучил и издевался над воеводой. Тургенева били, кололи копьями и, наконец, полуживого утопили в Волге.

Оставив отряд в Царицыне, Разин с главным войском пошел вниз по Волге к Астрахани. Все попутные городки и селения покорялись Разину. Разин всюду говорил, что он идет за великую правду, что с ним находится царевич Алексей Алексеевич (сын царя Алексея Михайловича, умерший 17 января 1670 года), что сам патриарх Никон состоит при его отряде и что он несет крестьянам волю и дарует им землю. В то же время Разин послал на Дон приказ не строить церквей и запретить богослужение.

— А как же венчаться то будем? — спросили его казаки.

— Венчаться можете под кустом. Для чего вам Христос? Вера з Христа пришла к вам из Москвы. Я иду против Москвы и против веры.

Астраханский воевода князь Иван Прозоровский послал на встречу Разину гонцов с приказом остановить Разина.

— Скажи воеводе, — сказал Разин посланнику, — что я твоего воеводы не боюсь. Не боюсь и того, кто повыше его!

Боярин и воевода Астраханский Иван Прозоровский, дьяк и стрелецкие головы (начальники), приняв благословение от митрополита Иосифа, приготовились к бою.

22 июля 1670 года на трехстах больших лодках Разин подошел к Астрахани и высадился у городских стен в виноградных садах. Казаки приготовили лестницы для приступа.

Наступила ночь. Воевода приказал замочь лежащую у стен города слободку, чтобы помешать казакам ворваться в город в темноте. Стало светло, как днем. Воевода и его полки провели ночь под ружьем.

В три часа утра полки Разина пошли от Вознесенского монастыря к Вознесенским воротам. Загремели было пушечные выстрелы и сейчас же смолкли. Астрахань изменила Москве и сдалась Разину. Стрельцы не только не стреляли, но помогали казакам приставлять лестницы к стенам. Все начальники были перебиты стрельцами. На улицах и площадях стрельцы и чернь братались с казаками Разина. Израненного на стенах города копьями князя Прозоровского на ковре отнесли в собор. Там собрались митрополит и немногие оставшиеся верными стрельцы. Народ набился в соборе, спасаясь от Разинцев.

На рассвете казаки ворвались в собор. Они вывели Прозоровского к Разину. Разин, измучив князя, бросил его с башни в ров.

Из собора Разин отправился в приказную избу и там приказал рвать и жечь бумаги. Когда кто то сказал ему, что тут могут быть и нужные дела, Разин ответил:

— Нужных дел нет! Это только закрепощение темных людей. Да я не только в Астрахани, в Приказной палате, а з Верху, у Государя, все дела передеру.

Повальное пьянство и дикий разгул охватили Астрахань. Разин, и с ним пьяная городская чернь ездили по улицам, въезжали в церкви, срывали иконы и ругались над ними. Они рубили всякого, кто чем нибудь не угодил Разину. С Разиным ездил какой то юноша в черкеске. Его величали царевичем Алексеем.

— Погоди, — говорил Разин окружавшим его людям, — мы Москвой гряхнем — вот когда будет у нас пир горою...

По всем поволжским городам были посланы посыльщики с призывом крестьян убивать помещиков и бояр.

Пламя мятежа запылало по юго-востоку России. Царские воеводы были заняты усмирением восставших. Разин торжественно и пьяно шел на выручку взбунтовавшемуся народу.

Донские казаки покидали Разина. Им противна была пьяная гульба и издевательства над безоружными. Уже не казаки, но городская и деревенская русская чернь окружала Разина и во всем потворствовала ему.

Под Симбирском воевода Милославский перегородил путь Разину. Разин вступил в сражение с ним. Пьяная чернь, умевшая бить безоружных и расправляться с женщинами и детьми не устояла в правильном бою. Спившийся Разин не мог руководить боем. Его войско обратилось в бегство. Разин с остатками своих затаг кинулся на Дон, на Кагальник.

Донские казаки не приняли его. Пришел на Дон не лихой гулебщик атаман, покоритель Персидского царства, пришел пьяный растерявшийся казак, окруженный толпою раболепствующих перед ним мужиков.

Войсковой Круг постановил арестовать Разина.

14 апреля 1671 года атаман Яковлев с донцами легко взял приступом Кагальницкий городок, связал Разина и его брата и доставил в Черкасск. Там, до отправки в Москву, держали Разина прикованным цепями к Черкасскому собору.

Сообщников Разина Войсковой Круг приговорил к смертной казни, а Разина к выдаче Москве. Корнилий Яковлев лично повез Разина в Москву.

Отрезвевший за время длинного пути, Разин одумался и покаялся. В Москве перед казнью Разина жестоко пытали. Разин молчал, когда били его кнутом, подвешивали за ребро к потолку, жгли угольями и каленым железом. Разину обрили макушку и капали на нее холодной водой. Разин не проронил ни слова.

6 июня 1671 года Разина привезли в Кремль и ввели на всевышение, где его ожидал палач. Красная площадь была черна от народа.

Молча, опустив голову, выслушал Разин чтение боярином приговора суда. Он низко поклонился на четыре стороны собравшемуся народу. Палач подошел к нему. Разин несколько раз перекрестился, обращаясь лицом к церкви Казанской Божией Матери, три раза поклонился народу, говоря:

— Прости!.. Прости!.. Прости!..

Разина положили между двух бревен и отрубили ему правую руку по локоть и левую ногу по колено... Ни стона... ни крика... Ахнул народ. Нужно было продолжать «четвертование» — рубить левую руку и правую ногу. Палач торопился. Он сразу отрубил Разину голову.

Народ простил Разину. Народная молва окружила кровавый бунт «изверга рода человеческого» красивой сказкой и песней. Сколько холмов над Волгой, урочищ, лесных уцелей связаны с его именем: «стол Степана Разина», «шапка Разина», «Разинская тюрьма», «Стенькин бугор» и т. д.

Да... «погуляли, поцарствовали, попили, поели». Русский черный народ это любит и не тяшится при этом кровью невинных жертв. Чужая кровь ему ни по чем... Своя? — «Жизнь наша — копейка!!»

Простил Разину и царь.

Когда молодой Государь Петр в 1695 году прибыл с войском на Дон для осады Азова, нашел он «во взятии его препятствия». Пошли расспросы бывалых казаков и кто то сказал, что разбойный атаман Стенька Разин трижды бывал под Азовом.

Государь заинтересовался о Разине. На ладьях, на которых шел по Дону Петр оказался старый казак Морковкин, ходивший с Разиным под Азов и в Персию. Государь потребовал Морковкина на свою ладью. Морковкин заробел было, и Государь заметив, что казак «в смятении» приказал уго-

*) Начало см. в №№ 7—14 «На Каз. Посту».

www.elan-kazak.ru

стить его водкой, усадил на корме, где сидел сам с атаманами и старшинами и сказал:

— Ну, поведай нам о своем атамане Степане Разине.

Была теплая, летняя лунная ночь. Медленно гребли на царском струге казаки, спускаясь по Дону и складно и подробно рассказывал Морковкин о Хвалынском море, о том, как строили и снаряжали казаки корабли, о высадках в Персии, о взятии Персидских городов, о их богатстве, о большом морском сражении с Персидским флотом, где дрались Разинцы один против двух и где полегла половина ватаги Разина.

Царь слушал внимательно и, когда Морковкин кончил свой рассказ царь сказал окружавшим его казакам:

— Жалко, что не умели тогда из Степана Разина сделать великую государству пользу и жалко, что он не в мое время.

Дошла до нас трогательная, красивая песня-завещание Разина. Народная молва приписывает ее самому Степану Разину:

— «Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж московской, астраханской, славной киевской;
В головах моих поставьте животворный крест,
В ногах мне положите саблю вострую.
Кто пройдет, или проедет — остановится,
Моему-ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежит тут вор, удалый добрый молодец,
Стенька Разин, Тимофеевич по прозванию...»

XXIII.

Последствия для Донского войска бунта Стеньки Разина. Присяга Войска Царю «на случай» 29-го августа 1671 года. Утрата самостоятельности. Присяга царю Феодору Алексеевичу в 1676 году.

Бунт Стеньки Разина тяжело отозвался на Донском Войске. Обычное жалованье казакам не было послано из Москвы. Казакам было запрещено ездить за рубеж Донского войска и торговать добычей и солью. Войско писало в Москву в Посольский приказ:

— «Мы на Дону помираем голодною смертью, ибо к нам весною жалованья и торговых людей ни единого судна не бывало».

Только после тяжелого голодного лета, осенью, в августе 1671 года, после казни Разина, прибыл на Дон стольник Косогов с отрядом в 1.000 стрельцов. Он привез из Москвы Донцам деньги, хлебные и пушечные запасы. Он сообщил, что Донской атаман Корнилий Яковлев и посланные с ним Михайло Самаренинов и казаки легковой станицы, везшие Разина, в Москве «Великому Государю в верных своих службах перед святым Евангелием обещались».

Косогов требовал, чтобы все войско принесло такую же присягу.

Три дня подряд шумел и волновался Войсковой Круг на Черкасском майдане. Казаки говорили, что они «Великому Государю служить рады верно и без крестного целования, а креста-де им целовать не для чего...»

Лишь после долгих переговоров и угроз со стороны стольника Косогова, 29-го августа 1671 года, атаманы и все казаки, бывшие на кругу при стольнике и войсковом дьяке по «чиновой книге», присланной из Москвы принесли клятву в том, чтобы «старшинам и казакам все открывшиеся на Дону возмущения и тайные заговоры против Великого Государя в то-ж время укрощать, главных заговорщиков присылать в Москву, а их последователей по войсковому праву казнить смертью... С калмыками дальнейших сношений не иметь, кроме увещания служить Государю с казаками вместе; скопом и заговором ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всех делах ни на кого ложно не показывать. На здравие Государя и всей его царской фамилии не посягать и, кроме царя Алексея Михайловича, другого государя, польского, немецкого и из других земель царей, королей или принцов иноземных и российских на царство московское никого не призывать и не желать, а если услышат или узнают на государя или всю его царскую фамилию скоп, или заговор, и с такими злоумышленниками, не щадя жизни своей биться...»

За Кругом Донские казаки нижних и верхних городков и все Войско Донское в том-же Великому Государю крест целовали.

Это не была настоящая присяга Московскому Государству. Это было лишь, как верно определил историк Святиков, обещание Государю «на случай» какой либо измены или заговора против Государя. Это было подтверждение и развитие казачьего привета Московскому царю:

— «Здравствуй царь в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону»...

Свежи в памяти были потрясения Смутного времени в России, когда самому самостоятельному существованию России грозила опасность, когда шведы и поляки шли на Москву. Только что кровавою грозою пронесся бунт Разина.

Войско Донское продолжало сноситься через Посольский приказ в Москве. Оно продолжало быть свободным государством, связанным с Россией ее над ним протекторатом. И этот протекторат обязывал Войско быть верным России.

В 1676-м году царь Алексей Михайлович скончался. На престол Московских государей вступил сын его Федор Алексеевич.

Вся Россия была приведена к присяге новому царю. В Москве присягнула ему зимовая станица с войсковым атаманом Корнилием Яковлевым и станичным атаманом Иваном Семеновым. Посланный из Москвы от царя дьяк Семен Котловской привел к присяге все Войско Донское.

Этой присягой Войско Донское утрачивало самостоятельность. Оно еще долго боролось за нее и не столько присяга, сколько изменившиеся жизненные условия, мощный рост Государства Российского уничтожили остатки государственности Донского Войска.

Ширились пределы Российские. На Дон шли новопришельцы уже не как будущие вольные казаки, но как работники на казачьих землях. Войны с турками и Крымцами вели не казаки от себя, но Россия с ее царем, братом Федора Алексеевича — Петром Алексеевичем. Донские казаки принимали в ней участие, как с о ю з н о е в о й с к о, подчиненное царю.

Россия окружала и захлестывала поднявшимися в ней новыми силами Всевеликое Войско Донское.

XXIV.

Воцарение в Москве Петра. «На Дону от Государя тесно становится». Потешные полки Петра — Преображенский и Семеновский. Речные забавы. Поездки на Белое море. Царь Петр на Дону. Поход на Азов. Казачья песня о Петре.

Время царствования на Руси Петра I для войска Донского было тяжелым временем потери Донскими казаками самостоятельности. Круто изменилась за первую четверть XVIII века жизнь Донских казаков: — Россия в своем поступательном движении захлестнула Дон.

Петру шел двадцать пятый год. Он побывал заграницей, был и на Дону, взял с казаками Азов, когда поняли, оценили его и заговорили о нем по казачьим куренях.

В 1698 году стрельцы, отбывшие два года тяжелой и томительной скучной службы в Азове были посланы вместо Москвы на новую службу в Великие Луки. На походе они возмутились и требовали: «немцев побить, бояр; итти к Москве и к Донским казакам». Их почти всех казнили. Донские казаки, узнав о том в Черкасске, говорили присяжному из Воронежа писарю: «знать и ты потешный... Дай только нам срок, перерубим мы и самих вас, как вы стрельцов перерубили».

В ту пору Петр был заграницей и говорили казаки: «если великий Государь к заговенам не будет, то нечего Государя и ждать. А боярам мы не будем служить и царством им не владеть, и атаман нас не одержит, и Москву нам очищать — всвод будем рубить».

После взятия в 1696 году Петром Азова говорили на Дону: «т е п е р ь нам на Дону от Государя т е с н о с т а н о в и т с я...» «Как он к нам на Дон — приберем его в руки...» хотели прибрать, да вышло наоборот — во второй приезд на Дон Петра не казаки прибрали его к рукам а Петр прибрал казаков, да так и точно т е с н о стало на Дону.

Казаки следили за Петром с самого его детства. Петру шел

www.elan-kazak.ru

четвертый год, когда скончался его отец Алексей Михайлович. Мальчик царевич жил с матерью недалеко от Москвы, в селе Преображенском. Необычайный был мальчик. Живой, сообразительный, всем интересующийся, все желающий знать. Для забавы царевичу собрали его сверстников, детей служащих при дворе Царицы. С ними Петр «играл в солдатики». По мере того, как Петр вырастал, серьезнее становилась эта игра. От маршировки и ружейных приемов с деревянными ружьями перешли к постройке по всем правилам тогдашней фортификации земляных укреплений, их взятие и оборона. Число мальчиков, которых называли «потешными» росло; вырастали и мужали и сами мальчики и незаметно подле Москвы у Петра создалось два полка: Преображенский и Семеновский — будущая гвардия Царя и опора его трона. Для полков понадобились хорошие учителя. Были призваны для этого немецкие офицеры. Деревянные ружья заменили настоящими, завели пушки.

Все интересовало мальчика Царевича. Нашел он как то в сарае села Измайлова старую лодку и спросил своего воспитателя боярина Стрешнева, чем она отличается от простых лодок, которые Царевич раньше видел. Тот не мог об'яснить и послали за немцем Францем Тиммерманом, придворным лекарем и учителем математики. Тот об'яснил, что это английский парусный бот и что он может ходить по ветру и против ветра. Так заинтересовало это Петра. Сначала на реке Яузе, потом на Переяславском озере стал ходить на том боте Царевич. Учитель Петр Тиммерман и Брандт рассказывали Петру о морях, окружающих Русскую землю: студеном Белом море, замкнутом Каспийском и Азовском, откуда идет дорога в богатые, теплые страны. Сердце Царевича горело скорее узнать эти страны. Но он не был свободен. Над ним и его братом Иоанном была старшая сестра Царевна Софья. Она управляла с боярами Московским царством и ревниво следил аза братьями, чтобы они не вздумали выйти из повиновения ей.

В 1689 году Петр с потешными полками пошел походом на Москву, разбил стрельцов, низложил Правительницу Царевну Софью и заточил ее в Новодевичий монастырь.

Став царем Петр поехал в Архангельск на Белое море. Он устроил там верфи и приказал строить корабли для Русского флота.

В Архангельске, царь посещал корабли иностранных купцов. Он выходил на них в море. Закрытое дымкой тумана серое небо сливалось с серым, холодным, угрюмым, волнующимся морем. Дали манила. Юный царь слушал за кружкой пива с трубкой крепкого голландского табака в зубах рассказы капитана о трудностях плавания по северным морям, о льдах, три четверти года затирающих море, о коротком сроке плавания.

Прослышал царь, что по Азовскому и Черному морям ходят Донские казаки, берут от турок добычу и полвека тому назад при деде его, царе Михаиле Федоровиче, заняли турецкую крепость Азов.

— А чей ныне Азов? Спросил Царь.

— Турецкий.

Зародилась в голове Царя мысль с помощью Донских казаков снова овладеть Азовом и рубить двери из полуазиатской Москвы в Европу на юге, на незамерзающих теплых морях...

16 марта 1695 года донской атаман Фрол Минаев получил от царя Петра тайную грамату. Двадцати двух летний царь писал атаману о том, что в Тамбове соберется царское войско под начальством генерала Гордона и отправится на реку Хопер на Дон, в Черкасск. Войску Донскому было предложено изготовиться тайно «чтобы в Азове прежде времени не узнали», для действия, как союзное войско, вместе с полками Гордона.

Старые Московские войска и большая конница под начальством боярина Шереметева были двинуты на Днепр, чтобы воевать против турок вместе с Запорожскими казаками.

Тридцать одна тысяча и в том числе лучшие полки Петровы: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов под командой генералов Головина, Лефорта и Гордона с царем, шедшим под именем Петра Алексеева, командира артиллерийской роты и в чине всего только бомбардира (приказного) на сотнях судов спустились по Волге до Царицына, прошли сухим путем, походом, до городка Паншина на Дону и потом поплыли на казачьих стругах по Дону.

Донские степные просторы очаровали Петра. Весна была в полной красе. Степь благоухала цветами. В густой зелени и в белом боярышниковом и терновом цвету были глубокие балки правого крутого берега, покрытые лесами. Мерно и сильно гребли казаки на стругах и в самой гребле их видел Царь, что это не Московские люди, непривычные к лодкам, но природные моряки и судоходцы.

По вечерам разжигались костры. Царь сидел с казаками, слушал их песни и рассказы про поиски по морям и рекам, про дерзкие набеги и войны.

Царь увидел на противоположном берегу утку и приказал застрелить ее одному из сопровождающих его Московских людей. Тот выстрелил и промахнулся. Сидевшие у костра казаки засмеялись.

Царь обернулся к ним.

— Вы что же, — сказал он. — Ведь утка была далече.

Молодой казак Пядух широко улыбнулся, взял свою пищаль и, не целясь, на вскидку, убил утку.

— Исполать, казак, — сказал Государь, — хотя и я так убью, но только поцелюсь.

26 июня 1695 года Петр прибыл в Черкасск. Здесь к Царскому войску присоединилось 7000 казаков, собранных атаманом Фролом Минаевым.

Три дня до Царских именин, 29 июня, войска отдихали в Черкасске. 29 июня пошли к Азову.

Как ни тайно собиралось под Азовом Царское войско, турки узнали о нем. Стоявшие по обеим берегам Дона крепостные башни-каланчи были наново укреплены и снабжены артиллерией. На Дону были забиты сваи и между ними протянули цепи. Не взявши калапчей нельзя было подойти к Азову.

Были вызваны Донские охотники. Они с одним из гвардейских Петровых полков с налета захватили две башни.

Царское войско подошло к Азову, обложило его, построив шанцы, вооруженные пушками и мортирами.

Медленными санными работами царские войска подошли к стенам и 5 августа бросились на штурм крепости. Штурм был отбит и войска Петра потеряли полторы тысячи человек.

25 августа Гордону удалось взорвать мину под стенами крепости и разрушить стены на протяжении двадцати саженей. Русские полки вбежали в город, не привыкшие к городскому бою в тесных улицах между каменных домов солдаты были отброшены.

Атаман Минаев с 1000 донцов на каюках и с ним Преображенский и Семеновский полки под начальством генерала Апраксина подошли к Азову с моря, овладели приморскими укреплениями, но не поддержанные полками Гордона должны были отступить.

Надвигалась осень с ее ветрами, дождями, непогодой и распутицей. Петр решил отложить взятие Азова и 28 сентября снял осаду. Царское войско пошло на зимовку к Валуйкам.

Сильное впечатление оставил этот поход, руководимый самим Царем, на Донских казаков. Молодой красавец царь, громадного, без двух вершков, саженного роста, с круглым лицом, простой, приветливый и смелый, всюду первый, и в бою и в беседе, он понравился в ту пору казакам. Сложилась тогда про него песня:

Не ясен сокол летал по поднебесью,
Донской есаул бегал по Дону.
Казаков то он речью приветствовал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Господу Богу помолитеся,
Да не пусти Господь руки варвара
На Петра, Царя Белого, православного.
Вы вставайте, други, пробудитеся,
Под Азов город, други, поезжайте:
Сам сивый орел пробуждается,

www.elan-kazak.ru

Сам Петр царь подымается
Со своими князьями, боярами,
Со своими Донцами,
Со своими Запорожцами...

XXV.

Поход на Азов 1696 года. Петр с казаками Фрола Минаева в Азовском море. Первая победа на море Петра 21 мая 1696 года одержана Донскими казаками.

Неудача под Азовом не смутила молодого царя. Напротив, раззадорила его. Петр понял, что взять приморскую крепость без флота нельзя. Каменные стены разрушить одной артиллерией, какая тогда была, невозможно.

Зима прошла у Петра за спешной и усиленной подготовкой для нового похода. В Воронеже была устроена верфь; там рубили корабли для спуска по Дону. Из Италии были выписаны искусные мастера для устройства подкопов под Азовские стены. Снаряжалось новое войско под начальством боярина Шейна.

8 января 1696 года на Дону был получен Царский приказ «донцам занять Прилавские „каланчи" и поддержать солдат до подхода всего войска». Но донцы сами знали, что нужно делать. Каланчи были заняты донцами еще до царского приказа и в них было поставлено шестьсот казаков.

В конце апреля царский флот стал спускаться по Дону. Впереди шло восемь грабных лодок-галер с Преображенцами и Семеновцами. На одной из них — «Принципиуме», в чине капитана, командира роты Преображенского полка, под именем Петра Алексеева, шел царь Петр.

В Черкасске войсковой атаман Фрол Минаев доложил Царю, что посланный в море на разведку походный атаман Поздеев 3 мая открыл в Азовском море два больших турецких корабля и целую флотилию мелких судов. Поздеев атаковал корабли с 250 казаками на лодках, но, так как корабли имели очень высокие борта, казакам не удалось взять их в штыки, и казаки отошли.

Загорелось сердце Петра отвагой. Петр приказал сейчас же итти всему Русскому флоту в море. 12 мая корабли царские подошли к Каланчинским башням. Дул северо-восточный ветер. Он согнал воду с Дона, и Русские суда, глубоко сидевшие в воде не могли пройти через обмелевшее устье Дона. Царь оставил Русские суда с войсками в Кутюрминском рукаве, пересел на легкую Донскую лодку и во главе Донских челнов с Фролом Минаевым на ста лодках с 6000 казаков вышел в море.

Зеленовато-синие волны играли под налетами вечернего ветра и звонко плескались о борта казачьих челнов. Все шире становился морской простор. Дальше уходили берега. Окруженный донцами царь сидел на корме.

Вдруг перестанут казаки грести. Кое кто снимает шапку и перекрестится. Мимо проплывает низкий пустынный, песчаный берег, далеким мысом выдавшийся в море. Скажет кто нибудь из казаков:

— Вот здесь убит был мой дед.

Другой добавит:

— Потонул в бою мой отец.

— Когда? — спросит царь.

— Еще когда Азов казаки наши брали. Я совсем малым был. Бабка мне сказывала.

С ранних, детских лет они знали это синее море. Оно было их море. Азовское синее море — могила их отцов и дедов, свидетель их морских походов и подвигов на протяжении сотен лет.

В тихом вечернем освещении стали видны розовевшие парусами, собранными в бухты большие корабли. Было видно, как с них грузили товары на тяжелые плоскодонные суда — «тумбасы» и, как тумбасы один за другим отваливали, направляясь к Азову.

Царь не заметил, как и каким способом передал приказание на лодки атаман. Он видел только, что часть лодок вдруг отделилась от каравана челнов. Она раздалась широкою цепью и понеслась, обгоняя царский челн в море. Длинные весла гнулись в руках у казаков. Седые буруны вскипали под острыми килями. Казаки вихрем налетели на тумбасы и на глазах Петра 11 больших лодок с товарами стали добычей казаков.

Царь в волнении совершившегося на его глазах морского боя встал на корме. Он показал рукою на корабли, стоявшие далеко в море.

— На корабли! — сказал он.

— Обождем до утра, — сказал атаман, — они никуда не уйдут, вишь, ты, как тихо. Ветра нет, а утром мы с ними покончим, коли Господь повелит.

Тихая и теплая потянулась ночь. Никто не спал на челнах, но и тихо было на них, все молчали, нигде не раздавалась песня, нигде не зажигались огни.

И только задул легкий ветер, яснее стали дали и зарозовел над водами восток, как по таинственному атаманскому сигналу, как стая птиц, встрепенулись казачьи струги и вынеслись, рассыпаясь широким строем, в море.

На турецких кораблях стали слышны сигналы на рожке, забил барабан, раздавались пронзительные крики. Паруса раздернулись, суда становились к ветру. В суматохе не могли скоро выбрать якоря и рубили якорные канаты. Корабли пошли в море, но ветер был слаб. Паруса полоскались, и медленно подавались корабли, уходя от казачьих лодок. Донцы настигали их.

Два самых больших корабля окутались белым дымом пушечной пальбы. Гром канонады прокатился над морем и эхом отдался о берега. Картечь золотыми всплесками брызнула по воде и ударила по казакам. Никто не охнул. Лодки неслись с неудержимой силой на корабли. Глухо стукнулись они о высокие, смоленые борта и сцепились с ними крюками. Казаки становились на плечи товарищей и влезали с обнаженными шашками на корабли. Лихая казачья атака опрокинулась на турецкий флот. И вот — побежало желтое пожарное пламя по одному кораблю, другой наклонился под рубленным бортом к воде, и рухнули с треском его мачты. Турецкие моряки сдавались казакам.

Другие казачьи челны погнались за мелкими турецкими судами, нагнали их и прижали к берегу на мель. Казаки спрыгнули в море и по пояс в воде атаковали эти суда. 10 полугалер и 10 чаек стали добычей казаков. Суда пылали на мели. Казаки рубились с турками.

2000 турок было убито. Один паша и 800 янычар были взяты в плен, 70 пушек, 86 бочек с порохом, много ядер, оружия, съестных припасов, 50.000 червонцев и сукно на 4000 человек достались казакам.

Так первая Русская морская победа под флагом царя Петра была одержана на рассвете 21 мая 1696 года донскими казаками и их атаманом Фролом Минаевым.

(Продолжение следует)

П. Краснов

ВАШИ ПИСЬМА И РУКОПИСИ

для журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

посылайте по адресу:

Schriftleitung „Kosackenposten"

Feldpost Nr. 02306

www.elan-kazak.ru

В бандитском гнезде

Появление казачьих частей в Сербии внесло настоящий переполох и панику среди партизанских банд. Достаточно, иной раз, показаться казакам в каком либо районе, как там сразу восстанавливается порядок. Не редки случаи, когда партизаны, не принимая боя, очищают местность и исчезают, бросая в спешке все свое имущество. В одном из таких случаев казаки захватили и «канцелярию» одной шайки. Среди документов обнаружены две, приводимые здесь, фотографии: справа — главарь банды с пятиконечной звездой на головном уборе. Слева — он же руководит расстрелом связанного по рукам пленника. Брошенные в панике бандитами снимки являются неопровержимыми вещественными доказательствами их политических симпатий и средневековых методов расправы с их противниками.

ЛОГИКА НКВД

Четверть века советская власть преднамеренно отделяла русский народ глухой стеной от всего мира. Только за этой стеной большевики могли свободно производить свои преступные эксперименты. Всякий контакт с внешним, иным миром жестоко преследовался. Не одно поколение молодежи воспитала советская власть в полном неведении о том, что творилось по другую сторону рубежа. Пользуясь такими методами изоляции и пресечения всякой критики и живой мысли, большевики могли легко и беспрепятственно внедрять в молодые головы марксистский диамат. Люди, особенно молодежь, искренне верили, что только в СССР возможна счастливая, зажиточная и радостная жизнь трудящихся. Только в СССР осуществлено полное равноправие и раскрепощение человека. Иной жизни эти люди не ведали, узнавая о ней лишь из уст партийных пачетчиков да советской печати, и наивно всему верили.

Вот на этой-то беспринципной лжи и обмане и строилась вся внутренняя пропаганда идей большевизма. Непроходимый чертополох отделял это царство лжи от внешнего мира. Теперь, когда миллионы русских людей так или иначе соприкоснулись с иным миром, увидели воочию другую жизнь и иных людей, густой туман, накопившийся за эти годы лжи, для них рассеялся.

Не важно при этом, как прежде относились эти люди к советской власти, а важно лишь то, что они увидели иной мир, что в результате этого у них спала пелена с глаз, что они стали крепко задумываться над прошлым и настоящим, и в душе их впервые закралось сомнение.

Вот почему в тех районах, где побывала хотя бы недолгое время Германская армия, сейчас там свирепствуют агенты НКВД. Все показания пленных и перебежчиков из районов, вновь занятых Красной армией, единогласно свидетельствуют о страшном терроре, применяемом НКВД к «освобожденному» народу. Ни методы чекистов, ни сама советская власть, конечно, не изменились. Переменилась только техника — теперь чекисты не расстреливают «врагов и изменников» народа в подвалах, как это практиковалось раньше, а вешают всенародно на площадях, сгоняя на место казни для устрашения и поучения все население.

Кровавая десница НКВД не щадит никого. Как правило, все оставшиеся регистрируются и делятся на три категории. Одних немедленно казнят, чаще всего без всяких «показательных процессов», других без всякого вооружения и обучения бросают на фронт в качестве «пушечного мяса» под немецкие пули, а третьих присуждают к принудительным работам на срок до 20 лет. Результат один и тот же — гибель и смерть. Даже женщин, стиравших белье германским солдатам или готовивших им пищу, не щадят и заносят в рубрику «предателей и врагов» СССР. Во всех этих зверствах чувствуется все та же особая логика НКВД.

Большевики отлично понимают, что всякий, побывавший за чертополохом, в ином, несоветском мире, является для

www.elan-kazak.ru

них нежелательным и опасным элементом. Такой человек опасен им уже в силу одного того, что он узнал, помимо власти, иную жизнь, иных людей, узнал сам, на своем собственном опыте. С тем, что он видел за чертополохом, такой человек может не всегда и не во всем соглашаться, но достаточно уже одного того, что он так или иначе прикоснулся к «табу» и тем самым стал потенциально опасным для всей системы. Он может в любую минуту заговорить, разоблачить большевистскую ложь, а, следовательно, подорвать одну из основ, на которых держится советская власть. Вот почему здесь логика НКВД беспощадна: все те, кто попал за советские рогатки, независимо от их симпатий и антипатий, рассматриваются как враги власти. Наивны и обманчивы иллюзии тех людей, которые хотели бы надеяться на какое-то прощение и пощаду со стороны «эволюционировавшей» советской власти. Нарушения границ чертополоха НКВД им не простит никогда. Как опасные, слишком много знающие, нежелательные свидетели — они рано или поздно должны быть изъяты из жизни Советского союза. Их участь предрешена была уже в тот момент, когда они переступили запретную черту.

С. Рождественский.

Очковтиратели

Среди «стан славной екатерининских орлов» особенное внимание привлекает интересная фигура светлейшего князя Потемкина. При жизни он имел очень много льстецов, а еще больше врагов и завистников. Но остается неопровержимым фактом, что как друзья, так и враги его сходились на одном, что это был действительно выдающийся человек своего времени, фактический властелин Российской империи времен Екатерины. И если с его именем связано прочное наименование «потемкинские деревни», то все же нельзя ему отказать в исключительном умении показать Россию перед глазами Европы в действительно выгодном свете. Та умелая декорация, которую Потемкин талантливо демонстрировал пред изумленными взорами знатных путешественников по Новороссии, имела своею конечной целью политическое торжество России, которое приуготовило ей первенствующее место в Европе.

Светлейшему князю Тавриды в наши дни нашлись подражатели—темнейшие пройдохи и политические жулики, в просторечии именуемые большевиками. Большевики тоже решили удивлять мир небывалым расцветом наук, искусств, изобилием плодов земных «под мудрым водительством великого Сталина».

Возьмите любую отрасль нашей жизни, и везде вы найдете более или менее грубое очковтирательство или «потемкинские деревни» в сталинской инсценировке.

До революции в наших станицах мирно и скромно существовали так называемые высшие начальные училища; давали они приличное образование, никто их не рекламировал, никто о них не славословил. Пришли большевики, и эти же школы, «претерпев судеб удары», разграбленные, разбитые, переименовываются сначала в ШКМ, затем в семилетки и, наконец, в десятилетки. Большевики гордо и громко заявляют, что они дали селу законченное среднее образование. Ну, а на самом деле, что сделали большевики? Ровно ничего, кроме переименования скромных высших начальных училищ в громкие полные средние школы.

Или еще пример из серии сталинских «забот» о матери и ребенке. На всех станциях, особенно больших и узловых, на видном месте висела таблица: «Комната матери и ребенка». Через окна этой комнаты видны были кроватки под белыми покрывалами, но почему-то эти кровати всегда пустовали. Секрет этой разновидности «потемкинских деревень» был очень прост. В эти комнаты просто не попадали настоящие колхозные матери и ребята, так как поезда массового и общедоступного характера пропускались не по главной линии главного вокзала, а подавались на один из второстепенных путей, где не только комнаты для матери и ребенка не существовало, но даже и крытого навеса для пассажиров не было.

Примеров подобного очковтирательства можно привести великое множество. Каждый помнит, например, как большевики боролись с очередями. Чего бы казалось проще увеличить количество товаров, но товаров не было, очереди существовали, вид их производил невыгодное впечатление. И поэтому очереди или разгонялись, или загонялись в темные проходные дворы. Одним словом, все делалось так, чтобы внешне все обстояло благополучно.

Высший класс очковтирательства большевики показали на всесоюзной сельскохозяйственной выставке. К выставке большевики готовились долго, они заранее объявили, что цель выставки — показать всему миру небывалые достижения сельского хозяйства в СССР. О достижениях они трубили, а «достижения» были такого рода, что от большевистского изобилия «плодов земных» пришлось население посадить на карточную систему питания. Выставка символизировала изобилие продуктов, а в той же Москве в очередях с утра до ночи люди стояли за хлебом и за желтяками- огурцами. Полки продуктовых магазинов пустовали. Москвичи, правда, хитрили, и хотя на всю Москву ежедневно продавалось не более 3000 билетов на выставку, они умудрялись и на выставке устраивать очереди за... помидорами. Москвичи ездили на выставку не смотреть на достижения соцземледелия, а как на рынок: авось что либо перепадет.

Для кого же была организована выставка? Конечно, для колхозного крестьянства. А кто на самом деле попадал на выставку? Вот пример из практики. Из одного района Краснодарского края на выставку было послано 18 человек. Из этих 18 человек только два были колхозниками, остальные же—так называемый партийно-советский актив, а среди него два секретаря райкома, редактор газеты, секретарь газеты (еврей) и т. п. большевистская челядь, никакого отношения к непосредственному колхозному производству не имеющая. Но возмутительно то, что вся эта кампания ехала на выставку да и жила за счет колхозов своего района. Ко дню открытия всесоюзной сельскохозяйственной выставки была роскошно издана специальная книга, описывающая достижения советской власти в сельском хозяйстве. В этой книге через страницу, а во всяком случае в любой статье о каждом павильоне возносилось славословие Сталину, на все лады повторялось, что под мудрым его водительством «жить стало лучше, жить стало веселее».

Мы привыкли все, так или иначе ловко тушуемое, называть «потемкинскими деревнями». Но в применении к большевистскому обману, очковтирательству, слово «потемкинский» оскорбляет память действительно крупного государственного деятеля.

www.elan-kazak.ru

Мститель

О жизни Георгия Гикаева можно слагать легенды. Кажется легендарно-фантастической его смелая, полная приключений борьба с большевиками на протяжении долгих 20 лет.

Двадцать лет скрываться от ЧК-ГПУ-НКВД в горах и лесах Кавказа, ведя неустанно мужественную борьбу с большевиками — это дано не каждому! Похождения отчаянного абрека Зелим-Хана меркнут перед подвигами есаула Георгия Гикаева, казака ст. Ново-Осетинской.

Свою многолетнюю непримиримую борьбу с большевиками он начал в 1918 году, будучи командиром сотни в отряде полковника Хабаева, примкнувшем к поднятому Г. Бичераховым восстанию на Тереке. Вскоре Г. Гикаев входит в состав волчьих отрядов Шкуро и во главе сотни идет на Владикавказ. Шкуро поручает Гикаеву организацию джигитского конно-партизанского отряда.

В начале 1920 г. отряд, переименованный в первый сводный горский партизанский полк, с тяжелыми боями отходил к Новороссийску. Полк, имевший в своем составе 800 сабель, не смог эмигрировать — не было пароходов. Гикаев принимает решение, соединившись с отрядом полковника Улагая, пробиваться к Туапсе. Но красные, открыв сильный артиллерийский огонь, не дали отряду проникнуть на шоссе, идущее вдоль побережья. Лишь с трудом отряду удалось прорваться в горы, в район станиц Северской, Холмской, Елизаветинской. Этот район надолго стал базой отряда. К нему здесь вскоре примкнула группа полковника Иванова, действовавшая в районе ст. Северской.

Отряд Гикаева отсюда не раз совершает смелые набеги в Закубанье на отдельные большевистские части, гарнизоны и местные советы. Отряд для большего успеха операций в лесных и горных районах был разбит на небольшие группы, которые действовали обособленно. В районе ст. Холмской из отряда выделилась группа есаула Крючко. Казаки-повстанцы в период продразверстки не раз нападали на продотряды, отбивали реквизированный скот и зерно и возвращали обратно населению. Лихой налет на ст. Северскую освободил арестованных казаков, которым грозил расстрел и дал отряду возможность захватить пулеметы.

Накануне высадки десанта генерала Улагая в ст. Приморско-Ахтырской в отряд прибыл из Крыма полковник Щербина. Разрозненные группы снова объединились. К отряду примкнула большая группа в 400 казаков, ушедших в конном строю с польского фронта. Политическое руководство отрядом взял на себя прибывший в горы полковник Савицкий. На военном совете было решено итти на соединение с десантом. Отряд с боями дошел от ст. Северской до железнодорожного моста Екатеринодара. Однако неудача, постигшая в это время десант, заставила отряд опять уйти в горы. Снова началась лесная жизнь в землянках. Снова лихие налеты, священная месть комиссарам!

Большевики бросили для поимки Гикаева хорошо вооруженный отряд командира Черного. Под давлением красных плохо вооруженным казакам, имевшим лишь по 20—30 патронов на человека, пришлось отходить вглубь гор. Не раз приходилось с боем прорываться из кольца, забрасывая врага гранатами. Чтобы легче было скрываться и доставать продукты, отряд вновь раздробился на несколько групп. Возле каждой горной станицы теперь группировался свой маленький повстанческий отряд.

Гикаев вместе с сотником Ляхом совершает смелый налет на ст. Елизаветинскую. Это была последняя операция в Закубанье, так как Гикаев решает со своим отрядом, насчитывавшим в своем составе 350—400 чел., итти в Батал-пашинский отдел на соединение с повстанцами Терека. Перейдя в двух местах вброд через Кубань, отряд лесами и горами пробивался к ст. Георгие—Осетинской. Здесь к Гикаеву примкнули есаул А. Тлатов и М. Хурумов. Георгие-Осетинская восстала против большевиков, дав в отряд до 150 новых бойцов. Разгорелся горячий бой с прибывшими красными частями. Повстанцы под их напором были выбиты из села. Гикаев вынужден был начать волчью жизнь в горских кошах. За его голову большевики давали большие деньги. Связь с Гикаевым беспощадно преследовалась.

Пересевшись пастухом, он добирается до ст. Прохладной. Ночью на час заходит в родной дом в ст. Ново-Осетинской, чтобы немедля итти дальше в буруны, в привольные степи за Моздоком. Здесь снова сплачивает Гикаев вокруг себя небольшую группу непримиримых врагов большевизма.

Однако и широкие степные просторы грозили стать западней для Гикаева. Чекисты повели организованную охоту против него, не дававшего им покоя своими налетами. Пришлось опять уходить в Чечню, скрываться в Итум-Калинских лесах. Но и тут чекисты шли по его пятам, выслеживая отважного мстителя за поруганную честь казака и горца. Гикаев перебирается в северную Осетию, в район Содона, переходит затем в южную Осетию и Сванетию чтобы вернуться вновь в чечено-ингушские леса.

Так в героических подвигах, смелых налетах, в нужде и лишениях шли годы. Но гордый и свободолюбивый горец в течение 20 лет выдерживает суровые испытания. Во имя борьбы с большевизмом он перенес все: дом его был уничтожен, расстреляны 4 брата, а мать выброшена в курятник. Однако Гикаев не сдался.

Накануне войны он вместе с 50 чел. горцев оперирует в Итум-Калинских лесах. Новые абреки не дают покоя НКВД, подстерегают в ущельях автомашины, сбрасывают их в пропасти, рубят головы попавшим в их руки чекистам.

Уходя вглубь, в горы, Гикаев узнает радостную весть — «Война с Германией»... Гикаев стремится соединиться с Германской армией. Ему вскоре удается перейти фронт и поступить добровольцем в Германскую армию.

Гикаев сражается в отряде мотоциклистов. Он едет на мотоцикле впереди танков своей дивизии. Снова героические подвиги. В боях на Восточном фронте он получает 10 ранений. Германское Командование награждает Гикаева медалью, знаком почета, саблей чести, верховой лошадью.

Летом 1942 года Гикаев впервые легально возвращается на Терек в родную станицу. С молниеносной быстротой разнеслось по станице: «Гикаев!». С радостью встретили его все станичники.

Ныне Георгий Гикаев, несмотря на надорванное 20-летними физическими и духовными страданиями здоровье, попрежнему бодр и служит делу борьбы с большевизмом. Он принимает участие в формировании кавказских добровольческих частей.

Л. Градов

www.elan-kazak.ru

1190.

ГЕТМАН

Повесть

I. Сходка

На длинном дворе волостного правления стоял полукругом народ. Высокий, худой человек в отороченной барашком короткой казачьей куртке с белой повязкой на левом рукаве, в большой кубанке, с темным, выжженным жизнью лицом, ходил в полукруге, щелкая хлыстом по сапогу, и говорил:

— Этого, господа, довольно! Сегодня нашим, завтра — вашим, а в общем — в сторону, в кукурузу прятаться? Тяни одну карту, а которую потянул — держи крепко. Не надоела вам еще советская власть? Или не знаете ее еще? Так вы меня спросите, я вам разскажу, как я семь лет в Сибири прошарился, а потом три года скитался, домой не смел носа показать. А за что? Вы меня все хорошо знаете, какой я преступник. А сколько таких, как я? А что вы добра от комиссаров видали? Колхозы? Так ведь дня такого не было, чтобы вы их не проклинали. Теперь их распустят. Не будет больше колхозов.

Толпа неуловимо шелохнулась, но лица были заперты на замок. Впрочем, внимание было полное.

— Нет, уж как пошли мы за Геррманской властью, — раскатил он букву «р», — так за ней и пойдем до конца. Тяни одну карту.

Речь была довольно длинная и не слишком искусная. Зато огонь убеждения, сознанье правоты, постоянно возвращающийся лейтмотив: «тяни одну карту!» — были великолепны. Суровый, горячий, прямой человек страдал от крестьянской осторожности, от нейтральности этих людей, хата которых явно желала стоять с краю.

Впрочем, она и впрямь стояла с краю. В восьми километрах на восток от нас было большое село Борисовка, когда то принадлежавшее пятигорскому знакомому Лермонтова. Дальше начинались безконечные камыши прикумской низменности, пески и солончаки Калмыцкой степи — «ничья земля», на военном языке. А еще гораздо дальше на север, отделенная от нас огромным пространством, гремела трагедия Сталинграда. Люди чувствовали, что с ее исходом связано многое и двигались осторожно, знали, что, случись завтра передвижка войск, — и свои-же, селянские, побегут страховаться, доносить на вчерашних друзей.

Сходка продолжалась. Под конец Голобородько разгорячился и едва не вышел из себя, выводя на чистую воду односельчан, пытавшихся потихоньку подбирать то, что плохо лежало в это трудное время. К тому-же мелькнула ему в толпе одна фигура, смеющееся лицо с совершенно равнодушным к нему взглядом больших, странных карих глаз. Давно уже тревожила его эта девушка, и он злился на себя и на нее за свое нелепое, ни ему, ни ей ненужное волнение. Так, чуть не сорвавшись с голоса, он коротко закончил свое слово и ушел в волость, в мой крошечный «кабинетик» переводчицы.

— Черт его знает, что за народ! — заговорил он еще с порога, видимо желая остыть в моей тихой комнатке и не в силах справиться с собой. — Закурим, Федоровна?

Он вытащил кисет с пахучей махоркой и пачку нарезанных газетных бумажек.

— Дубиной, что-ли, им вправлять?

Я сказала:

— Антон Васильевич, в Комендатуре на стене висит плакатик, очень он мне нравится. Там написано вот такими буквами: „Nicht ärgern, nur wundern". Это значит: не сердиться, только дивиться. Потом вторая строка, буквы поменьше: „Nicht ärgern, nur wundern". И третья строка, совсем уже мелко: „Nicht ärgern, nur wundern".

Антон Васильевич посмотрел на меня и ничего не сказал.

— Обиделся, — подумала я, и молча сидела, слегка растерявшись и не зная, как выйти из положения.

Но Антон Васильевич сам нашел выход.

— Пойдем, Федоровна, к коменданту пора.

Мы вышли. Голобородько шел развалистой, ровной поступью, чуть закинув голову и съуженными глазами вглядываясь в даль. Здесь, на северном краю Кавказа, в безлесной степи, нету расточительно пышных красок нашей русской осени. Но и здесь «унылая пора, очей очарованье» одевает землю в новый, красочный наряд. Травы в степи сгорают еще в июне, а к октябрю кой где начинают снова зеленеть. Виноградники в долине блекнут, зелень их становится матово-ржавой. Какое-нибудь одинокое деревцо горит оранжевой листвой на фоне тускло вянущих больших чинар, темной полосой стоящих вдоль Кумы, не слышно и быстро бегущей в узком, неглубоком камбоне. Лиловые и коричневые пятна лежат на степи, голубая дымка реет над нею, — и весь пейзаж приобретает глубину, рельеф, мягкость и богатство тонко завуалированных красок, которых так не хватает здесь летом, под все обесцвечивающим солнцем!

От дверей полиции отделился болезненного вида человек в полувоенной одежде и присоединился к нам.

— Что-же со мною теперь будет, Антон Васильевич? — спросил он с улыбкой, не слишком гармонировавшей с испугом в его темных глазах.

— Что будет? Будешь здесь жить, на работу поставим. Так у вас, в Новом Пути, мужиков совсем мало.

Успокоительные слова мало успокоили испуганного. Но он не стал больше расспрашивать и мы молча спустились с горы и прошли через двор комендантуры.

Антон Васильевич, с военным шиком печатая шаги, вошел в кабинет коменданта, вытянулся и щелкнул каблуками. Комендант, невысокий, плотный лейтенант с приятным улыбающимся лицом, поднялся и протянул ему руку.

— Ну, как наш гетман?

— Да все в порядке, г-н лейтенант.

Они почти не нуждались в переводчике.

— Да, так где же этот ваш человек? Позовите его, а вы Frau Anna, переведите, пожалуйста, его документ.

Документ был любопытный. Комиссар переменного состава войск гор. Тбилиси направлял 2 октября 1942 года запасного красноармейца Игната Свиридова после ранения на родину с обязательством явиться в райвоенкомат с. Просторного, Орджоникидзевского края, — т. е., в местность, еще в августе занятую немцами. С этим удивительным пропуском Свиридов прошел по всему Кавказу, перешел восточнее Моздока Терек, шел «ничьей» степью, натыкаясь то на красные, то на немецкие разъезды, тем и другим предъявлял свою бумажку, и благополучно добрался до родного села. Только здесь он выяснил, что райвоенкомат в с. Просторное прекратил свое существование и что являться надо в Германскую военную комендатуру.

Несколько чинов штаба, заинтересовавшись, подошло поближе. Свиридов стоял, переминая шапку, с любопытством и страхом вглядываясь в непривычные немецкие лица и стараясь угадать свою судьбу по непонятному разговору. Я с некоторым напряжением, путаясь в мало знакомой мне военной терминологии, переводила препроводительную бумажку.

— Ничего не понимаю, — сказал лейтенант. — Неужели они в октябре не знают, что здесь произошло в августе? Или командование до сих пор скрывает положение дел на Северном Кавказе? А что это за человек, Гетман? Не шпион ли какой нибудь?

— Будьте спокойны, г—н комендант. Я его хорошо знаю. Как он говорит, так и есть. Пришел на родину отдыхать, а те слухи ничего не знали.

Комендант подумал и распорядился оставить Свиридова на свободе, дать ему работу и обязать два раза в неделю являться в комендатуру. Я перевела это. Человек, ожидавший, что его запрут и будут «тягать», как водилось при советах, вдруг

www.elan-kazak.ru

весь просиял, хотел благодарить, не знал, как, — и вышел совсем другой походкой, чем вошел.

— С этим покончено, — сказал комендант. — Теперь дела военные. Будьте добры, Гетман, возьмите завтра раненько человека четыре верхами и сделайте разведку вдоль большой дороги в Ак-Булат, километров на двадцать. Там есть хутора в степи, отдельные строения, — обследуйте их хорошенько.

Он по карте показал район разведки. Голобородько, внутренне загорелись, задал несколько вопросов, клонившихся к тому, чтобы получить возможность ввязаться в какое нибудь дело — чем опаснее, тем лучше! Но комендант, знавший его насквозь, формально запретил ему открывать огонь без крайней необходимости.

— Ваше дело — разведать и дать донесение, Гетман.

Так точно, г—н лейтенант! Только разрешите доложить, г—н лейтенант...

— Поезжайте, разведайте, тогда будете докладывать.

Голобородько очень хотелось вздохнуть, но он сдержался, отдал честь и вышел.

— Молодец наш гетман! — улыбнулся ему вслед комендант.

Я спросила:

— А почему он, собственно, для вас — гетман?

Лейтенант засмеялся.

— Как же вы не понимаете? Ведь он такой типичный казак, настоящее дитя природы. Когда ваш Мазепа скакал по степи на диких конях, у него наверное было такое же лицо и такая же посадка, и он так-же любил войну и опасность, как этот начальник полиции.

— Ну, я думаю, вы романтизируете и Мазепу, и нашего Голобородько.

— Нисколько. Вы посмотрите: мы воюем по долгу, а он — по страсти.

Это была правда, хотя и не полная: не одна страсть к опасности толкала Антона Васильевича на борьбу, но и глубокое, годами и страданиями выработанное убеждение. «Тяни одну каргу», снова вспомнила я.

II. СВИДАНИЕ.

В толпе на сходке стояла группа молодых девушек, как на подбор рослых, красивых, высокогрудых — русские Юноны, да и только. Юноны смеялись, переговаривались, сорили семечками и никак не были заинтересованы тем, что говорилось кругом.

— Глянь, Райка, к тебе письмоносец идет, — сказала одна из них, толкая девушку в странно, по злешней моде, повязанном платке: спереди шелковая косынка спускалась до глаз, а концы были подняты сзади очень высоко, так что весь затылок с тяжелым узлом блестящих, гладких, темных волос был открыт.

— Где? — живо обернулась Рая и с досадой отшлюнулась, увидев двух мальчишек, беленькую девочку, невинно и дерзко глядевшую огромными голубыми глазами и мальчика со шрамом на верхней губе. Бойкая девочка пробиралась к Рае через толпу, мальчик следовал в кильватере, старательно, на виду, держа в руке сложенную бумажку.

— Уж точно, что письмоносец, за километр видать, — сказала Рая. — Ну, давай, что ли, поскорее.

— Тетя Рая, это вам от Володьки письмо, — тоненько пропищала девочка. — Мы вас искали, искали.

— Да ладно уж, я так все смеются. Вон начальник полиции глядит! Тикай скорее!

Девушка прочла записку. Ее звали на свидание, попозже вечером, к большой тутине на залох ее родительского дома. Она задумалась. Она была бы очень хороша этой тяжелой красотой Юноны, широкоплечая, крепкая, с матовым румянцем, с темным пушком над крупными яркими губами, если бы не странные кошачьи зрачки больших глаз, не круглые, а длинные, прорезавшие карий кружок до самого белка. Конечно, она знала свой недостаток и привыкла к нему, как и все окружающие; но на свежего человека ее глаза производили странное впечатление.

— Чего он тебе пишет? — спросила ее подруга.

— Да, чего! Иди, говорит, к тутине. А как я выйду, когда бабушка, как чорт, ни днем, ни ночью не спит, одно ходит, одно ходит!

— А ты на бабушку наплевала, да и пошла.

— Да вот, наплевала одна такая.

Успех казачьего оркестра

Духовой оркестр при Штабе одного из крупных донских казачьих соединений на Украине, руководимый капельмейстером Ковалевым, насчитывает свыше 30 музыкантов. В репертуаре оркестра — сложные увертюры русских и западно-европейских композиторов, походные марши, народные песни и т. д.

— А что?

— А то.

Она резко повернулась и пошла домой. Их дом, один из самых богатых в селе, стоял недалеко от волости. Две хаты на высоком каменном фундаменте, разделенные воротами, смотрели на улицу. Справа и слева вдоль чистого двора с «бассейном» (цистерной) посредине, вытянулись хозяйственные постройки. Пучки табака висели под навесом рядом с распяленной бараньей шкурой. На плоской кровле сарайчика лежали огромные тыквы. Около бассейна отчаянно дымил трубой большой, помятый, плохо вычищенный самовар. В глубине двора белыми подушками бродили, переваливаясь гуси. Забор отделял двор от круто скатывавшегося в овраг сада. Рая подошла к забору и, точно оглядывая поле будущей битвы, отыскала взглядом, за яблонями и акациями, большую шелковицу, куда ей сегодня следовало придти. Сверху ничего не было видно, тын обеспечивал вставший стеной противоположный скат оврага.

— Все обдумал, сатана, — пробормотала Рая.

Ее окликнула бабушка, строгий командир, матриарх этой крепкой и дружной семьи. Рая была похожа на нее, только красота давно сошла с семидесятилетнего лица. Но крупные, правильные черты были те-же, и было в лице старухи что то, чего недоставало внучке со всей ее блистательной юностью.

— Поди, Райка, отчини ворота, Митюшка едет.

— Надьку пошлите, — сказала Рая, не трогаясь с места.

— А ты чего же?

— Я сейчас ухожу.

— Куда еще?

— Да что вы, маленькие, не знаете? Списки велено по дворам составить на жителей.

— Чего-ж ты дома?

— Чего да чего! Все вам знать надо!

Она дернула плечом и пошла со двора через сад, ступив по пути четырнадцатилетнюю сестру. Та пустила ей в спину:

— Кошка! кошка! мяу!

— Чего она с ума сходит? — спросила старуха, сама отворяя ворота, к которым уже подъезжал Митюшка на паре колхозных быков с огромной бочкой воды.

— Влюблена, вот и сходит, — проболталась обозлившаяся на сестру Надька.

— В кого это?

Но Надька уже прикусила язык и, точно не слыша, деятельно помогала брату завести громоздкую телегу во двор. С криком, осаживая и подвигая быков, бочки подвели задом к бассейну, вынули затычку, и тугая струя воды, дугой выгибалось, встала между бочкой и бассейном, наполняя его звоном и гулом.

Татьяна Левшина.

(Продолжение следует).

www.elan-kazak.ru

Рыцари вольности

Многокрасочна история казачества. Представляя собой могучую военную силу, спаянную общей идеей свободы и традиционным бытовым укладом, казаки были всегда готовыми к постоянной борьбе с посягателями на их вольность. Они во всем были своеобразно отличны от остальных русских народностей. Им была дорога «Русь», пока она благословляла их вольность, когда ее устремления не противоречили казачьим идеям. Таковы были, историей запечатленные, великие победы казаков в покорении Сибирского царства, покорении Кавказа, в Отечественных войнах. И в страхе трепетала Россия, когда ущемленная Москвой казачья вольность обрушивалась на нее грозной свободолюбивой стихней. Незабываемы времена Степана Разина, Пугачева, Булавина. Стонала тогда царская Русь от буйного казачьего разгула.

В солидных исторических трудах, в бесчисленных народных преданиях, в песнях казачьих, известных всему миру, прославляются подвиги казачьей вольности атамана Степана Разина! А сколько казачьей души в исторических песнях об атамане Платове! Казаки создали себе великую историю и всемирную славу. Именем «казак» только гордились.

С появлением большевизма в 1917 году казачество насторожилось. И стоило только красной гвардии вступить сапогом насилия в казачьи степи, как вспыхнуло казачье восстание. С винтовкой, с вилами, от старого до малого, восстало казачество. Это восстала казачья стихия, взращенная Степаном Разиным, Пугачевым, Булавиным, атаманом Платовым, Баклановым.

На страницах казачьей летописи записаны яркие эпизоды борьбы против советской России. Это — история очередного «страшного бунта» казачества во имя своей вольности!

На Дон стекались русские патриоты из генералитета, все честное, боевое, порядочное из русской семьи, которое желало счастья России. Казаков тогда возглавил Петр Николаевич Краснов. Он ясно отличал врагов от друзей. Весной 1918 года, возглавив казачество, П. Н. Краснов твердо повел казаков, восставших против большевиков, в союзе с Германской армией.

Этот патриот, генерал от кавалерии, донской казак станицы Каргинской, был понят казаками в их борьбе за казачью вольность и выбран атаманом Всевеликого Войска Донского. Он впервые указал казакам единственно правильный путь — союз с германским народом. Он первый организовал реальную помощь казакам-повстанцам, добившись участия Германских вооруженных сил в борьбе с большевизмом и поставки вооружения для казачьей армии. Лично автору этих строк посчастливилось быть свидетелем этих исторических событий. После Степного похода и взятия Новочеркасска я лежал в казачьей цепи и радостно было видеть, когда наши конные раз'езды у хутора Яновка встретились с германскими раз'ездами.

Начавши свою шаткую политику, не считаясь с интересами казачества, «верховное русское командование» погубило казачество и проиграло собственную борьбу. Генерал Краснов был выслан «Российской Главой» генералом Деникиным и прочими вождями «Единой Неделимой России». Этими же генералами была изменена ориентация на англо-французо-американскую! Жидовщина, таким образом, восторжествовала. Отсюда начался разлад и поражение.

Если бы об'единенные казачьи войска и горцы пошли вместе с немцами за свободу своих наций, тогда бы мы победили.

События и вместе с ними годы борьбы неумолимо шествовали. Много славных казаков погибло за это время. Вечная память погибшим в честном бою и слава уцелевшим — продолжателям славного прошлого казачества.

В настоящей войне судьба столкнула германцев и казаков опять, их пути неотделимы.

Слава нашему первому, правильно понимавшему нас — казаков, атаману Краснову, слава Германской армии от нас, вновь восставших теперь, казаков!

Да благословит нас Бог в взаимном понимании рыцарского долга на общий путь борьбы против большевизма.

Полковник **С. В. Павлов**

Помнить о своем враге

Находящиеся в составе Германской Армии казачьи части выполняют плечо к плечу с германскими солдатами важнейшие боевые задачи. Можно увидеть казаков непосредственно на фронте в борьбе с большевиками и в тылу на охране военных об'ектов и в операциях по ликвидации жидо-коммунистических банд. Вполне понятно, что большевики видят в лице казаков идейных и политически опасных врагов для коммунизма и поэтому принимают все меры для того, что бы разложить казаков изнутри. Большевики, видящие свою неминуемую гибель, стремятся разорвать дружбу между казаком и германским солдатом и не останавливаются перед любыми методами провокации и шпионажа для достижения своих грязных целей. Подавляющее большинство казаков испытало на своей шкуре все прелести коммунистического рая и не поддается на большевистскую удочку, однако большевики всеже пытаются забросить в среду казаков своих шпионов и провокаторов, которые не брезгают никакими средствами в своей работе.

Большевистские агенты умышленно распространяют ложные слухи, пытаются подорвать авторитет офицеров и начальников. Бывают случаи, когда тайные агенты НКВД, обманом пробравшиеся в казачью семью, стараются скомпрометировать честных и преданных казаков путем ложных доносов и сговоров.

С другой стороны большевистские агенты стараются морально ослабить наименее устойчивых казаков, особенно молодых и неопытных, всякими способами отвлекая их от службы и товарищеской среды путем пьянок, сомнительных знакомств и т. д.

Задача каждого казачьего офицера и казака суметь во время узнать и разоблачить «волка в овечьей шкуре» и не дать возможности коммунистам принести хотя бы малейший вред казачеству.

Для этого необходимо максимально крепить дисциплину внутри части, проводить воспитательную работу среди казаков и главное научить казака достойно вести себя на службе, а в особенности вне службы.

Казак не должен посещать сомнительных буфетов и ресторанов, избегать случайных знакомств, всюду быть образцом вежливости и аккуратности. Таким путем мы не позволим жидо-большевикам проводить разлагающую работу в казачьей среде.

Будный.

www.slan-kazak.ru